

О ГЕНЕЗИСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: *déjà vu*

Е.Е. Дегтярев
(Россия, Астрахань)

Аннотация. Автор возвращается к проблеме генезиса русской интеллигенции и ее дефиниции, рассматривает их с позиции социально-этического подхода в анализе данного феномена культуры. Предлагает пролонгировать историческое бытие русской интеллигенции до периода раннего средневековья отечественной истории, что позволяет скорректировать роль, последовательно сменяющих друг друга радикальных и эволюционистских интеллигентских страт в социально-политической эволюции общества.

Annotation. The author suggests turning back to the problem of definition and genesis of the Russian intelligentsia and considering them from the point of view of social and ethic approach to the analysis of this cultural phenomenon. He believes it is possible to prolong the historical existence of the Russian intelligentsia up to the early Middle Ages period of the national history, which allows to adjust the place of radicals and evolutionists in the social and political development of the society.

Ключевые слова: протоинтеллигенция, идея развития и исторической смены интеллигенции, интеллигенция социально-радикальная и культурническая, проправительственная и антиправительственная интеллигенция, этапы истории русской интеллигенции.

Key words: Protointelligentsiya, the idea of development and historical change of the intelligentsia, social and radical and cultural intelligentsia, pro-government and anti-government intelligentsia, stages of the Russian intelligentsia history.

I.

Интеллигенция?

Знаете ли, кто первые русские интеллигенты?
Г.П. Федотов. Трагедия интеллигенции.

Как известно, выдающийся философ, историк и публицист предложил свою версию ответа на этот вопрос, что, впрочем, не исчерпало проблему известного феномена культуры и не снизило интенсивность споров вокруг него в последующие 80 лет. Очередное «дыхание» эта тема получила с началом «перестройки» и вот, уже более двадцати лет, является одной из актуальных [4]. Смеем предположить, что и дальше эта «роковая» тема, в которой «ключ понимания России и ее будущего», будет волновать исследователей. Совершенно очевидно, что в зависимости от того, как трактуется термин «интеллигенция», оценивается это явление, кого конкретно видят носителями интеллигентского сознания, так и определяется время рождения и вектор саморазвития отечественной интеллигенции. Автору ближе социально-этический подход в осмыслении понятия и явления «интеллигенция», и под этим углом зрения он предлагает еще раз вернуться к проблеме ее генезиса¹ [12].

¹ Сюда входит оценка феномена интеллигенции И.В. Ивановым-Разумником, Н.А. Бердяевым и, в частности, трактовка Густава Шпета, который считал интеллигенцию «совокупным субъектом творчества, духовной деятельности и носителем философского сознания» [12, с. 127].

Попыток описать историю национальной интеллигенции было достаточно много. Действительно, 1840–1860-е гг. – время «пришествия» русской интеллигенции. Именно тогда она была идентифицирована как интеллигенция: *absolute* – российской и как специфическое русское явление – зарубежной общественностью. Появившиеся в эти и последующие годы, вплоть до конца XX в., оценки интеллигенции ограничивали существование феномена во времени и даже констатировали его гибель. По этому поводу автор высказал свою точку зрения и хотел отметить следующее [3]. Явление «интеллигенция» середины XVII, XVIII и XIX вв., изученное Г.П. Федотовым, Р.В. Ивановым-Разумником, Д.Н. Овсянником-Куликовским, Н.А. Бердяевым; феномен «интеллигенция» XX в., описанный В.Ф. Кормером, Д.С. Лихачевым и А.И. Солженицыным и др., суть этого феномена культуры не исчерпывали и существо в полной мере не раскрывали. Потому, что интеллигенция, исследуемая этими авторами, представляла собой лишь так называемое ее *социальное крыло*, т.е. отдельное течение в эволюции данного феномена культуры. Культурническая, «культуртрегерская» часть интеллигенции собственно «интеллигенцией» как таковой и не считалась, и «не имела права» так называться, поскольку феномен российской интеллигенции традиционно связывался с появлением нигилистической и радикально настроенной по отношению к власти специфической страты российского общества.

Обратимся к многократно осмысленному вопросу о термине и понятии «интеллигенция». Проблема в том, что многочисленные современные трактовки интеллигенции появились гораздо позже (приблизительно с середины XIX в. – периода социальной-политической самоидентификации феномена), чем сам термин, как известно, введенный в оборот еще Цицероном. Поэтому проблема дефиниции просто не могла не возникнуть. Безусловно, принимается во внимание и тот факт, что множественность оценок и точек зрения на предмет исследования обусловлены его чрезвычайной сложностью и многогранностью. Понятие «интеллигенция» наполнялось различным содержанием и идентифицировалось в процессе эволюции самой этой страты общества. Оно «обогащалось» или «обеднялось», трансформировалось, и в характеристиках этого явления находили отражение трактовки разных, порой противостоящих друг другу сторон: как власти, так и представителей различных слоев общества, политических течений, профессиональных групп. Каждый пытался выделить и подчеркнуть какую-то важную, как казалось, определяющую саму суть этого явления сторону: социальную, политическую, философскую, идеологическую, этическую и т.п. Как известно, Георгий Федотов одним из первых обратил внимание на эту особенность российской интеллигенции и писал о том, что у нее нет «канонического» определения: «каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру» [13, с. 405]. Современная французская исследовательница Вероника Гаррос тоже обращает внимание на эту «странность» в описании известного явления отечественной культуры: «слово "интеллигенция" непереводаемо, а явление, обозначаемое им, неопределяемо... Но все же (а может, и прежде всего) она определяется следующим парадоксом: *по определению, она противится всякому определению, и это ее свойство – основа ее бытия* [выделено авт. – Е.Д.]. Она упорно не желает быть заключенной в жесткие рамки социологических категорий – хотя бы уже потому, что в данном случае она рассматривалась бы как стабильное явление. Иначе говоря, является интеллигенция как феномен... чем-то раз и навсегда данным?» [2, с. 131–132].

Историческая судьба нашей интеллигенции формировалась под сильным воздействием дискуссии в самой среде этой «самой думающей» части общества. В частности, в центре споров стояла проблема: что же такое интеллигенция – социально-экономическая или социально-этическая категория? Это были не схоластические споры, ибо за ними (и в XIX, и в XX в.) стояли реальные политические силы, в том числе государственная централизованная машина. С учетом акцентов, расстановки сил в этих дискуссиях определялись линии поведения власти по отношению к интеллигенции и интеллигенции по отношению к власти, к государству. А отношения, складывающиеся между интеллигенцией и властью, сначала привели к расколу интеллигенции, а затем

стали определять вес, значение, место в жизни общества, в политике государства двух расколовшихся ветвей русской интеллигенции – культурнической и социальной. Причем данный процесс шел постоянно под воздействием стремления и одного, и другого отрядов использовать механизмы государственной власти для разрешения своих внутренних споров. И, как правило, верх одерживало в конечном итоге радикально-революционное сознание, бывшее характерным, прежде всего, для социальной части интеллигенции. Это предопределяло на протяжении почти двух последних столетий периферийное существование культурнического крыла с его либерально-эволюционистскими представлениями и приоритетами. Но интеллигенция этого типа появилась гораздо раньше и знала другие, более «счастливые» для себя времена. Поэтому и остается актуальным вопрос истоков и генезиса феномена.

На наш взгляд, есть все основания считать первоинтеллигенцией наше духовенство – православных священников, монахов и книжников Древней Руси. Эта точка зрения некоторыми современными исследователями считается «достаточно уязвимой и не вполне корректной в научном отношении», потому что тогда «самого этого термина не существовало и... люди, якобы составляющие "интеллигенцию", не признавали, скорее всего, себя особым социальным слоем и, соответственно, не обладали "корпоративным" сознанием» [11, с. 234]. Небесспорная аргументация. Термин как раз существовал со времен Цицерона – задолго до оформления самого явления «интеллигенция». Что касается «корпоративного сознания», то разве вера в Бога и служение Ему, объединяющая этих людей, т.е., как писал все тот же Г. Федотов, вера в идеал, «достаточно широкий, включающий и личную этику, и общественное поведение... теоретическое мировоззрение, построенное рассудочно и властно прилаживаемое к жизни, как ее норма и канон» не является «корпоративным сознанием» духовенства Древней Руси? [13, с. 410]. Как известно, взгляд на духовенство как на первоинтеллигенцию (или протоинтеллигенцию и т.п.) не нов – так считал, в частности, Г. Федотов. С этой позицией солидаризировался Г.Г. Шпет, чья трактовка термина «интеллигенция», эволюция феномена и, особенно, его идея развития и исторической смены интеллигенции нам ближе всего [14].

Примем ее за основу в нашей интерпретации проблемы. Он говорит о трех этапах в истории отечественной интеллигенции, и первый из них он связывает с просветительской деятельностью первоинтеллигенции Древней Руси – духовенством. «Западник» Шпет оценивал ее скептически, утверждая, что «русская элементарная грамотность не далеко выходила за пределы самой церкви, двора и государственных канцелярий» [14, с. 20] Однако Г. Федотов отдавал должное первым просветителям славянства – «они были учителями, признанными, хотя и не всегда терпеливыми...» [13, с. 410].

Таким образом, с самого начала наша интеллигенция была *культурнической*, *культура-регерской* – в высшем смысле этого слова. В этом течении отечественной интеллигенции нам видятся конкретные носители определенной преемственно развивающейся идеи о преодолении социальных противоречий мирным, эволюционным путем; о бесполезности, обреченности попыток радикальными средствами добиться социального прогресса. Носители этой идеологии утверждали в нашем обществе христианскую мораль, ратовали, за просвещение, образование нации, стремились к укреплению моральных устоев семьи, совершенствованию личности, гуманизации власти. Идеи культурнической интеллигенции сформировались не сразу, но началось все с появления православного духовенства в Древней Руси. Эта очевидность, как и позитивная роль Церкви в формировании основ русской культуры, никак не принималась марксистско-ленинским учением и серьезно не рассматривалась наукой в советский период отечественной истории.

II.

«... дистанция между властью и интеллигенцией не менее опасна, чем их слияние».

Е. Евтушенко. Волчий паспорт.

Киевская Русь после Крещения – период романтического неопитского оптимизма государственных деятелей и нарождающейся интеллигенции, характеризующейся попытками выстраивания так называемой церковно-государственной «симфонии». Власть не снимала с себя ответственности за заботу об общем благе и земных нуждах народа, а интеллигенция в лице священства не только исполняла роль духовного советника и нравственного наставника общества, где утверждалась новая мораль и ценности, но часто, являясь личными духовниками князей Киевской Руси, имела возможность непосредственно формировать характер власти в лице своих воспитанников. Каждый знал свое место и ясно представлял свое предназначение: Богу – Богово, кесарю – кесарево. Нас, сегодняшних, не может не удивлять чистота их восприятия христианства. «Благая весть была воспринята необычайно гармонично и светло. Не было уклона ни в односторонний аскетизм, ни в отрыв морали от мистики. Наши киевские предки... были вдохновлены к деятельной христианской любви» [8, с. 8].

Желание неопитов построить подлинно христианское общество ярко выражено и в «Слове о законе и благодати» первого русского митрополита Иллариона (между 1037 и 1050 гг.), и в «Поучении» Владимира Мономаха (1099 г.), проникнутого глубокими христианскими настроениями. Именно в этот период интеллигенция церкви, обладая безусловным авторитетом, могла благотворно влиять на власть.

В XIII–XIV вв., в тяжелые годы борьбы за независимость и становление Московского царства, влияние культурнической интеллигенции, как и ее нравственный авторитет, еще более возросли, поскольку она являлась практически единственным посредником между погрязшими в усобицах князьями и народом, с одной стороны, и князьями и татарскими баскаками, с другой. Известные церковные иерархи задабривали ханов щедрыми взятками, уверяя их в лояльности и уговаривая не мстить после антитатарских выступлений; выказывали чудеса дипломатической изворотливости и даже излечили безнадежно больную жену великого хана (митрополит Алексий). Именно Церковь является чуть ли ни единственной реальной силой, пытающейся примирить враждующих князей и подчинить их одному центру, прагматично выстраивая идеологию объединения Руси. Позже, в XIV в., интеллигенция церкви – Преподобный Сергий Радонежский, митрополит Геронтий – увещевали и стыдили князей за нерешительность, ободряли и благословляли их на активные действия в борьбе за освобождение страны от ордынской зависимости. В это время голос церкви, освященный подвигом воинов-монахов Пересвета и Осляби, первыми павшим на Куликовом поле, не мог не быть услышанным Властью.

Однако в отношениях интеллигенции с властью всегда была важна определенная дистанция. Не удаленность, которая тоже чревата опасностями, как для интеллигенции, так и для всего общества в целом, а именно определенная дистанция, которую церковь не всегда умела сохранять. После возвышения Москвы и укрепления Московского царства церковь «перешла» границу дозволенного, оказавшись в опасной завораживающей близости к власти, и уже не смогла (или не захотела) противостоять соблазну вхождения во власть. Ее иерархи не противостояли желанию Дмитрия Донского иметь «подручного» митрополита – Митяя, и это был первый шаг к подчинению власти церкви. Духовенство все активнее вмешивается в чуждую ему сферу деятельности государства: выполняет различные дипломатические миссии, выступает, когда это нужно князю, в роли «собирающего» земель, усмирителя непокорных удельных князей и т.п.

Далее, справедливости ради, нужно заметить, что известное учение монаха одного из псковских монастырей Филофея «Москва – III Рим» являлось попыткой все той же культурнической интеллигенции церкви нравственно-поучительного влияния на власть, ее увещевания: в нем не было прямого политического акцента и имперско-триумфаторского пафоса [10, с. 68]. Власть сделала из учения политическую доктрину. И не «писания» Филофея, а другие события XV в. свидетельствовали об опасном

сближении интеллигенции и государства. Произошло это тогда, когда Русская Церковь отложилась от Константинопольского патриархата (1448 г.) из-за принятия Флорентийской унии (1439 г.) и стала автокефальной, причем это историческое для судьбы Церкви решение, как и назначение первого независимого от греков митрополита Ионы, было принято лично Василием II, а не иерархами церкви. С потерей особенного положения русских митрополитов в Московском царстве, ранее выбиравшихся и назначавшихся Вселенским патриархом, первоинтеллигенция Руси начала терять и свою независимость. «Парадоксально, но факт: Церковь в России была сильнее, свободнее, самостоятельнее, а следовательно, и авторитетнее под татарским игом и подчиняясь Константинополю, чем обрета автокефалию под покровительством "благочестивейших" самодержцев» [9, с. 69].

Следующим этапом «соблазнения» церкви властью была победа и утверждение в официальном православии XVI в. «иосифлянства», проповедовавшего, как известно, ее активное вмешательство в государственную политику, а также реформы митрополита Макария (1551 г.) по централизации церкви. Постепенно споры с «нестяжателями», отстаивающими независимость церкви от государства, с церковных кафедр перемещаются в пыточные застенки, и все чаще официальная Церковь расправляется с духовными оппонентами при помощи государственной карательной машины. Церковь все больше подчиняется государству и растворяется в нем. Особенно большие потери она понесла при Иване IV Грозном, оставаясь тем не менее последним сдерживающим, нравственным авторитетом (митрополит Филипп Колычев) в страшной круговерти опричнины.

Следует отметить, что XVI–XVII вв. характеризуются еще одним, до этой поры не известным в России явлением – политической (внешней) и духовной (внутренней) эмиграцией. На наш взгляд, именно на этом этапе ее истории произошла дивергенция до сих пор единого потока интеллигентского движения на два взаимоисключающих по мотивам и целям течения: культурническое (культуртрегерское) и социальное.

Социальное течение интеллигенции в отечественной истории инициируется радикальной, а затем и радикально-революционной интеллигенцией, которая чем дальше, тем громче заявляет о себе. Утверждает новый тип интеллигенции: социальный по степени ангажированности в проблемы общества и государства, радикальный – по способу их решения. Критика власти, ее дискредитация, а затем и открытая борьба с ней стала смыслом всей жизни данного типа интеллигенции. Она самоорганизуется в секты, масонские ложи, кружки, группы; создает течения и движения, наконец, партии, т.е. раскачивает государственный «корабль» и готовит ниспровержение Власти. Чем дальше, тем больше ее идеологией становится нигилизм. Можно утверждать, что в России XIX в. начался, а XX в. закончился под диктовку социальной интеллигенции, ее революционно-радикалистского сознания.

На наш взгляд, протоинтеллигенцией социального течения отечественного феномена культуры были первые его идеологи – «заволжские старцы», Максим Грек и косвенно Нил Сорский – любимый святой этого типа интеллигенции. «Первопроходец» русской политической эмиграции – оппонент Ивана Грозного, воевода, князь А. Курбский (бежал в польскую Ливонию в 1564 г.) – вышел из этого круга, а его известная переписка с государем прямо перекликается с гуманистическими идеями «заволжцев» [8, с. 15]. К ним же можно отнести князя И.А. Хворостинина, посольского дьяка Григория Котошихина, этих, по определению Г. Федотова, «идейных отщепенцев русской земли» [13, с. 417]. К этому же ряду «предвозвестников» социального течения интеллигенции следует отнести «неистовых ревнителей» веры – старообрядцев, чьи скиты скоро станут идеологическими центрами противостояния с государством «Антихриста». Так нарождалась социальная интеллигенция. Культурническая эволюционировала «при власти».

Последующие Смутные времена дали как примеры высокого стоицизма (патриарх Иов), так и позорного соглашательства (патриарх Игнатий) культурнической интеллигенции. В этом диалоге с властью «гласность» еще была, но уже не было «слышности». Середина XVII столетия характеризуется ожесточенной, с большим

количеством жертв борьбой патриарха Никона за прямое участие в государственной политике. Впервые в отечественной истории Церковь захотела стать выше государства и прямо не гнушалась убирать своих оппонентов – инакомыслящее священство в лице протопопа Аввакума и его единомышленников – руками государства. Авторитет церкви, культурнической интеллигенции пал как никогда низко. Первое слияние интеллигенции и власти в отечественной истории привело к необратимым последствиям. Чем это закончилось, известно: низложением патриарха Никона и созданием опасного прецедента для самостоятельности Церкви – инициированной светской властью замены высшего церковного иерарха и разбирательством сугубо церковных дел лично царем Алексеем Михайловичем «Тишайшим». Этим фактом не преминул воспользоваться его сын – Петр I, приостановив после смерти патриарха Адриана (1700 г.), а затем и ликвидировав институт патриаршества на Руси.

Апофеозом огосударствления Церкви была беспримерная особая присяга лояльности архиреев царю (1716 г.). Дальнейшие реформы – синодальное управление РПЦ – полностью подчинили Церковь государству и практически отводили священству роль особого рода чиновничества, так называемой «религиозной команды» в формируемом механизме государственной машины.

Петровские преобразования, согласно упомянутой выше исторической идее развития и смены интеллигенции Г. Шпета, положили начало второму этапу в истории отечественной интеллигенции. С этого времени, на период более ста лет просветительскую и воспитательную, т.е. культуртрегерскую, культурническую, миссию берет на себя правительство, т.е. дворянство. Вслед за Шпетом этот период эволюции интеллигенции похоже идентифицирует Г. Федотов, который утверждал, что русская интеллигенция была создана Петром и «целое столетие делала общее дело с монархией».

Власть сама взялась «образовывать» народ, введя светское, утилитарно приспособленное к нуждам государства образование. Отныне «кормить и просвещать» нацию обязывалось правительство, «взяв на себя миссию охранения доброй нравственности и экономной государственности» [14, с. 38]. А что же интеллигенция Церкви? Наверное, справедливо утверждение, что интеллигенция, «которая входит в систему власти, в систему управления, как правило, постепенно теряет признаки подлинной интеллигентности, превращается в политического функционера» [1, с. 172–173]. «Медные трубы» власти оказались непреодолимыми для интеллигенции Церкви, прошедшей «огонь и воду» Крещения Руси и освобождения Родины – от татар до польско-литовских интервентов. Трагедия интеллигенции Церкви не стала уроком для следующего ее культурнического отряда – дворянства.

«Птенцы гнезда Петрова» не были самостоятельно думающими людьми и являлись, по сути, как говорилось выше, политическими функционерами, исполнителями, часто небескорытными, монаршей воли. Необходимо отметить, что русское Просвещение было весьма специфичным и сильно отличалось от европейского. Г. Шпет, в частности, писал, что, обращаясь к европейской науке, российские монархи XVIII в. оценивали, прежде всего, ее утилитарный характер, исключительно практическую сторону: «Таково свойство ума малокультурного, невежество поражается практическими успехами знания; полубразованность восхваляет науку за ее практические достижения и пропагандирует ее как слугу жизни и человека» [14, с. 20]. Он же считал, что следствием такого типа «культурной и просветительской» работы правительственной интеллигенции явилось отсутствие свободной философии и свободной науки. Как в свое время духовенство, на новом этапе истории правительственная интеллигенция – дворянство – стала занимать охранительную позицию, стремясь оградить свой народ от крамолы и вольнодумства Европы; преследовало любого рода инакомыслие, что не могло не привести к политическим потрясениям первой трети XIX в.

Тем не менее нельзя не отметить, что эта же интеллигенция создала среду, способствующую развитию мысли, литературы и искусств. Гений М. Ломоносова, талант В. Тредиаковского, А. Сумарокова, М. Хераскова, И. Хемницера; явление замечательных религиозных мыслителей Паисия Величковского и Тихона Задонского свидетельствовали о дальнейшей эволюции культурнической традиции отечествен-

ной интеллигенции. Кстати, последний был не только религиозным подвижником, но и духовным писателем, который одним из первых диагностировал опасные увлечения века Просвещения. «Уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера», – предупреждал Тихон Задонский. Это был, по словам Г.В. Флоровского, «апостольский отклик на безумие вольнодумного века» [8, с. 34].

Историк и социальный мыслитель, масон, князь М.М. Щербатов острым политическим памфлетом «О повреждении нравов в России» (конец 1780-х гг.) в числе первых подал голос от имени социальной, противостоящей правительственной интеллигенции. Екатерина и ее ближайшее окружение, отдавая должное идеям Века Просвещения, но будучи напуганными Французской революцией и Пугачевским бунтом, реагировали очень жестко на эти первые робкие проявления русского диссидентства. Запретительная политика, гонения на «первомучеников» социальной интеллигенции А.Н. Радищева, Н.И. Новикова и др. объективно способствовали радикализации сознания этого типа интеллигенции и инициировали дальнейшее бурное ее развитие на протяжении всего XIX и первой трети XX в., обусловив, по Г. Шпету, переход к третьему этапу истории русской интеллигенции.

Попытки реформирования системы талантливыми А. Безбородко и М. Сперанским, как и другими «здравомыслящими» представителями правительственной культурнической интеллигенции, ни к чему не привели. Появление среди консерваторов и традиционалистов своих «радикалов» обозначило углубляющиеся противоречия и раскол в обществе. Первый взрыв грянул при Александре I и был связан с движением декабристов.

Примечательно, что будущие герои Сенатской площади в 1816 г. сформулировали цель «Союза спасения» как «распространение между соотечественниками истинных правил просвещения и нравственности и *помощь правительству* [выделено авт. – Е.Д.] к возведению России в степень величия и благоденствия, к коим она Творцом предназначена» [8, с. 37]. Как эти мысли дворянской молодежи перекликаются с более поздней позицией повзрослевшего «государственника» и ярчайшего представителя культурнической интеллигенции первой трети XIX в. А.С. Пушкина: «Конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного изменения нравов, без насильственных потрясений, страшных для человечества... Служить Отечеству верою и правдою, имея целью искренне и усердно *соединиться с правительством* [выделено авт. – Е.Д.] в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве» [9, с. 34]. В тяжелые времена реакции правительства Николая I кредо культурнической неправительственной интеллигенции, на наш взгляд, ярче всего выразил П.Я. Чаадаев. «Слава Богу, – писал он, – ни стихами, ни прозой не содействовал совращению Отечества своего с верного пути; не произнес ни одного слова, которое могло бы ввести в заблуждение общественное мнение; всегда любил Отечество в его интересах, а не в своих собственных; не заблуждался относительно нравственных и материальных ресурсов своей страны; не принимал отвлеченных систем и теорий за благо своей Родины...» [5, с. 49]. Попытки «государственников» Пушкина и Чаадаева вести диалог с государем ни к чему не привели, и судьба их известна. По оценке Г.П. Федотова, так закончилось то «общее дело», которое вместе с монархией делала русская интеллигенция целое столетие. Добавим: так закончилось второе пришествие культурнической интеллигенции во власть.

III.

«Ради Бога, исключите слова "русская интеллигенция".
Ведь такого слова "интеллигенция" по-русски нет:
Бог знает, кто его выдумал, и Бог знает, что оно означает...»
К.П. Победоносцев – В.К. Плева.

С первой трети XIX в. и на долгое время «властителями дум» большей части российского общества становится социальная, а затем социально-радикальная интеллигенция и ее кумиры – В. Белинский, Д. Писарев, А. Герцен, Н. Чернышевский и др., наложившие неизгладимую печать на умственный облик российской общественности. Почти вековая эволюция «критически мыслящих личностей» и их стремление безоглядно критиковать «самодержавную власть», «царскую Россию», ее историческое прошлое и настоящее и привели П.Б. Струве к печальному резюме: «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай – забвение национальной идеи мозгом нации» [7, с. 158–159].

Один из идеологов народничества, Н.К. Михайловский дал довольно нелестную характеристику основной массе этой, претендовавшей на звание «истинной» и «настоящей», породившей С. Ткачева и П. Нечаева, а позже и большевиков интеллигенции: «...немножко дворянства, немножко поповства, немножко вольнодумства, немножко холопства... Полузнанием кичились, невежество плохо умели скрыть... нигилизм возводили в моральное достоинство» [6, с. 46–47].

Интеллигенция данного типа не была однородной, в ней присутствовали и «умеренные», и «центр», и радикалы. Но все они в отличие от культурнической интеллигенции, как уже говорилось, представляли какой-нибудь кружок, группу или партию: они эволюционировали от «западников» – к «народникам», разделившись на «лавристов», «бакунистов», «ткачевистов», а затем – к партийной полифонии конца столетия и начала нового века. Совершенно очевидно, что деятельность социально-радикальной интеллигенции негативно влияла на формирование характера власти на протяжении XIX – начала XX в. Не без ее помощи во властные структуры пришли консерваторы-радикалы, при которых сама возможность диалога и компромисса была сведена к нулю. Правительство оставалось глухо и к предостережениям близко стоявшей и еще сотрудничавшей с ней части культурнической интеллигенции – М. Салтыков-Щедрин, И. Гончаров, Ф.И. Тютчев. Последний, известный поэт и дипломат, предупреждал: «Любая власть, которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается в самого ужасного пособника Отрицания и Революционного ниспровержения» [15, с. 21]. Все напрасно...

Безудержное стремление социально-радикальной интеллигенции переустроить мир в соответствии с собственным видением, целеустремленная нигилистическая и антиправительственная ее деятельность не могли не привести к событиям 1917 г. Опасная дистанция между интеллигенцией и властью, отсутствие диалога с ней подготовили эти потрясения. Немало сил, таланта и энергии, человеческих жизней и судеб было отдано на алтарь победы над Властью. Победившая социальная (февраль 1917 г.), а затем социально-радикальная (октябрь 1917 г.) интеллигенция опять взяла на себя функции просвещения и образования. Правительство, как уже было однажды в нашей истории, взялось «обустроить» жизнь народа.

Этого рода интеллигенция, если следовать логике Г. Шпета, открывшая четвертый этап в ее истории, на самом деле мало отличалась от предыдущих типов – первоинтеллигентов-духовенства Древней Руси и Средневековья, проправительственной интеллигенции XVIII в. и антиправительственной – XIX в. Дело в том, считает Г. Шпет, что эта интеллигенция приходила не с творческой миссией, а с желанием «просветить», «образовать», осчастливить всех одной ей известной формулой счастья и использовала уже известные приемы охранения себя от инакомыслия известными средствами предупреждения и пресечения ереси и крамолы. Другими словами, социально-радикальная интеллигенция, ставшая советским правительством, войдя во власть и следуя ее «традиции», постепенно уничтожила или загнала в подполье вся-

кое инакомыслие, подготовив тем самым новый виток противостояния. Как уже говорилось, в общественном движении России XX в. социально-радикальное течение интеллигенции доминировало над культурническим. И опять, уже в советской истории, вместе с диссидентством и А. Сахаровым была востребована и возродилась социальная традиция, объективно способствующая раскачиванию государственного «корабля» власти. И опять власть реагировала усилением радикально-консервативной идеологии, обостряя отношения. Маргинальная культурническая часть интеллигенции не смогла наладить диалог между сторонами, и пришел «бархатный» август 1991, и наступил кровавый октябрь 1993 г.

Культурническая и социальная традиции в эволюции отечественной интеллигенции, собственно, и представляются нам феноменальным явлением русской и мировой истории культуры. И сегодня по одному из этих течений продолжает развиваться феномен рефлексивно-почвеннический, с преимущественным тяготением к культурническому, эволюционному подходу в деятельности, а по другому развивается неистребимый отечественный феномен революционаризма, базирующийся на идеях решительного разрыва с прошлым и созидания нового на расчищенной почве. Оба этих течения в разное время характеризовались приверженностью как к ложным, так и к истинным ценностям и идеалам. И трудно априори утверждать преимущество одного или другого. Можно и должно только подчеркнуть, что конкретный опыт нашей новейшей истории с его революциями, ломками и непрерывными переустройствами свидетельствует о том, что в XIX и XX столетии в России доминировала именно социальная интеллигенция, использующая радикальные средства в борьбе за достижение общественного прогресса.

Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти – извечная тема отечественной истории и культуры. Учитывая это, возможно, сегодня наступило время пристальней всмотреться в историю культурнической интеллигенции, исследовать причины ее маргинальности; востребованным кажется социально-этический анализ интеллигенции как феномена культуры. Точно так же актуальна сегодня реальная, а не формальная гуманизация Власти. Редкий человек номенклатуры, особенно в высших эшелонах власти, не «обременен» сегодня кандидатской, а то и докторской степенью, но стала ли от этого Власть человечнее? Институты Власти, отвечающие за социальное и духовное развитие нации, созданы, но наполнены ли они гуманизмом, не пафосным, а настоящим? Возможно, пришло время понять и принять очевидное: власть по природе своей цинична. Она не в состоянии вырабатывать моральные критерии для общества. Это может сделать интеллигенция. Интеллигенция Церкви – в первую очередь. «Тревожная совесть нации», наша интеллигенция, имеет право на собственное понимание и отношение к власти, как и на свое место в обществе, однако, учитывая историю взаимоотношений с властью, она уж точно не имеет права игнорировать трагический опыт как слияния с ней, так и опасного дистанцирования. Место интеллигенции в обществе совершенно особенное – свое собственное. И не с кем-то и не против кого-то. А власть обязана слышать ее голос – не утилитарно и прагматично, а в принципе.

Библиографический список

1. *Барбакова К. Г.* Интеллигенция и Власть / К. Г. Барбакова, В. А. Мансуров. – М. : Мысль, 1992. – С. 172–173.
2. *Гаррос В.* Интеллигенция / В. Гаррос // 50/50. Опыт словаря Нового мышления. – М. : Планета, 1989. – С. 131–132.
3. *Дегтярев Е. Е.* Интеллигенция и власть (феномен российской интеллигенции и проблема взаимоотношений интеллигенции и власти) / Е. Е. Дегтярев, В. К. Егоров. – М. : Новая слобода, 1993. – 86 с.
4. *Дегтярев Е. Е.* Феномен российской интеллигенции (историко-культурный аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. Е. Дегтярев. – М. : Российская академия управления, 1992. – 167 с.
5. *Дискуссия «Интеллигенция и народ»* // Философские науки. – 1990. – № 7. – С. 49.
6. *Евразийский* временник. – Берлин : Academia. 1923. – Кн. 3. – С. 158–159.
7. «Кретины против Негодяев». Ф.И. Тютчев – А.Ф. Аксаковой. Петербург. 4 января 1872 г. // Родина. – 1995. – № 3–4. – С. 21.

8. *Левицкий С. А.* Очерки по истории русской философской и общественной мысли / С. А. Левицкий. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1983. – Т. 1. – С. 8.
9. «На чем мир, земля, человек стоит...» : беседа с М. Аникушиным // Слово. – 1993. – № 78. – С. 34.
10. *Поспеловский Д.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д. Поспеловский : учеб. пос. – М. : Библейско-богословский институт Св. Апостола Андрея, 1996. – С. 68.
11. *Савчук В.* Инакомыслие или конформизм: нравственный выбор интеллигенции в России / В. Савчук // Логос. – 2005. – № 51. – С. 234.
12. Федорова Л. В. Г.Г. Шпет как историк русской философии : дис. ... канд. филос. наук. – М. : АОН при ЦК КПСС, 1991.
13. *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. – М. : Наука, 1990. – С.405.
14. *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет // Сочинения. – М. : Правда, 1989. – 601 с.

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РОССИЯН ОТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ Р. МЕРТОНА

О.А. Феоктистова
(Россия, Рязань)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к изучению поведенческих моделей российских избирателей. На примере модели американского социолога Р. Мертонна показано, что как активность, так и пассивность избирателей следует рассматривать как различные варианты адаптационных стратегий. В статье подчеркивается, что акцентирование рядом исследователей «национальных особенностей» российского электората игнорирует общие закономерности, характерные для стран с иерархической социальной структурой общества. По мнению автора, социальную структуру общества и культурные нормы следует рассматривать в едином контексте.

Annotation. The article touches upon certain approaches to the study of behavioral patterns of the Russian electorate. On the example of the model of the American sociologist R.K. Merton it has been demonstrated that both activity and passivity of the electorate should be looked upon as various types of adaptation strategies. The article underlines that some authors put too much emphasis on the so-called national peculiarities of Russian electorate, thereby ignoring general principles that are typical for the countries with hierarchical social structure. In the author's opinion, social structure and cultural norms should be considered in the integrated context.

Ключевые слова: социальная структура, адаптационные стратегии, культурные цели, авторитарно-бюрократическое государство.

Key words: social structure, adaptation strategies, cultural goals, authoritarian and bureaucratic state.

Политическая пассивность и апатия россиян, наступившая после «бурных 90-х», являются предметом анализа многих исследователей. Среди публикаций на эту тему особо выделяются работы, посвященные «национальным особенностям» российского электората. Общим для этих исследований является тезис о том, что политическое поведение россиян связано с многовековой привычкой к «крепостному рабству», приверженности «твердой руке» и «сильному государству». Например, известный исследователь Э. Баталов полагает, что «для традиционной российской политической культуры характерна ярко выраженная этагистская ориентация; государство воспринимается как нечто гораздо большее, нежели "ночной сторож" (идеал либералов), то есть чисто политический институт с ограниченными функциями и задачами. В России государство воспринимается как становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической» [1, с. 17].